

СЕМАНТИКА МЕЖДОМЕТИЙ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОМОНИМИИ

Л. В. Валеева

Выявлены и описаны семантические связи междометий что и как с исходными словами – вопросительными местоимениями. Сделан вывод о семантической преемственности цепочечного типа между функциональными омонимами местоимение – частица – междометие.

Ключевые слова: функциональная омонимия, вопросительные местоимения, междометия, семантическая структура, коммуникативная структура

Виявлені та описані семантичні зв'язки вигуків що та як з вихідними словами – питальними займенниками. Зроблен висновок про семантичну спадковість ланцюгового типу між функціональними омонімами: прономінатив – частка – вигук.

Ключові слова: функціональна омонімія, питальні займенники, вигук, семантична структура, комунікативна структура

Are revealed and described the semantic bonds between interjections what, how and initial interrogative pronouns. The conclusion is made about linking semantic continuity of functional homonyms: pronoun, particle, interjection.

Key words: functional homonymy, interrogative pronoun, interjection, semantic structure, communicative structure

На основе базовых положений традиционной (структурно-семантической) грамматики в связи с развитием новой области человеческого познания – теории языковой коммуникации – создается новая модель языка, обязательным элементом которой становится человек, являющийся, по выражению Е.А. Селивановой, продуцентом языка и знания, зафиксированного в вербально-знаковых результатах человеческой деятельности [19, с. 6]. Очевидно, что составной частью исследований принципов организации грамматической системы становится описание роли различных частей речи в организации семантического пространства языка, в формировании смысловой структуры высказывания. Особый интерес представляют слова, обеспечивающие оптимальное решение коммуникативных задач, – местоимения, модальные слова, частицы, союзы и междометия.

В современной лингвистике можно выделить два основных принципа исследования междометной лексики. Странники первого не считают междометия лексемой из-за их неспособности вступать со словами в какие-либо отношения и выводят их за пределы частей речи и даже языка. Подобная трактовка междометных единиц восходит к работам А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского [16; 17; 23]. Традиция подобного восприятия междометной лексики отражается в самом термине «междометие» – вводимое в речь, чуждое ее синтаксическому строю (букв. «вбрасывание, вставка» в организованную речь) [24, с. 229].

По другой точке зрения, сторонниками которой являются Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, эти слова входят в общую языковую систему [4; 26; 6]. В.В. Виноградов отмечает, что отношение у междометий к категории предложения несколько иное, чем у всех других типов слов. Для междометий характерна синтаксическая обособленность [8; 9; 14; 15; 21]. Они могут формировать особые нечленимые эмоциональные высказывания: «*A-ax!*» – *вырвалось из груди, как при доподлинном взрыве...* (В. Астафьев); могут вставляться, хоть и ограниченно, в конкретный контекст: *Ну, слава богу, маленько закусили* (В. Астафьев).

Междометия выступают как категория живая, жизненная, органически связанная с системой языка. Мы принимаем точку зрения, по которой междометия являются языковыми единицами, обладающими самостоятельным значением, отличительным от значений каких-либо других единиц языка. Эти значения соответствуют определенной внешней форме и закреплены в каждом национальном языке, что отметила в исследовании по сопоставительному анализу семантики междометий А. Вежицкая [5]. Междометия в системе частей речи занимают особое место, так как служат для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность [3; 9]. Существует несколько направлений исследования особенностей семантики и функционирования междометий, но до настоящего времени не рассматривались коммуникативные характеристики и конструктивные свойства производных междометных слов в сопоставлении с подобными характеристиками исходных слов. **Актуальность** работы заключается в исследовании семантики междометий с позиции преемственности семантического своеобразия от исходной знаменательной словоформы.

Цель исследования – описание и анализ механизма формирования междометных трансформантов с исходным словом – вопросительное местоимение. В ходе работы были поставлены конкретные **задачи**: определить количество междометий, образованных путем перехода из вопросительных местоимений; описать и проанализировать лексико-грамматические характеристики и особенности функционирования данных междометных единиц; выявить семантические связи междометий с исходными словами.

Новизна работы определяется описанием общих принципов формирования функциональной омонимии, классификацией факторов, способствующих появлению трансформантов. (Трансформантом мы называем единицу, которая сохраняет звуковой облик исходного слова, но приобретает комплекс

дифференциальных признаков новой части речи. Исходное слово и трансформант являются функциональными омонимами, группа функциональных омонимов составляет омокомплекс.)

В современной лингвистике существует два основных подхода к объему междометной лексики. Узкое понимание междометий обозначает исключение производных слов из их числа [5; 12]. Широкое понимание междометий подразумевает включение, наряду с первообразными словами, и первообразных элементов [26; 6; 11; 18; 9]. При широком понимании выделяются 4 группы слов (максимальное количество): 1) собственно междометия. Это непроемные единицы типа *ой, эх, эй, фу, тьфу, ага* и т.п. (эти слова считаются междометиями при узком подходе к объему этой части речи) и производные – *вон, прочь, марш, дудки* и т.д.; 2) так называемые глагольные междометия – *трах, шлеп, бульк, скок*; 3) этикетные лексемы и сочетания – *Усевшись на камень, он перебросил сумку на живот, добавил: – Приятно кушать! – Спасибо! – сдержанно отозвались рыбаки.* (В. Астафьев); 4) звукоподражания [6; 8; 9; 14].

Мы группу междометных единиц ограничим собственно междометиями в широком понимании этой группы слов. Во-первых, звукоподражания не выражают реакцию субъекта – носителя языка, а представляют имитацию звуков окружающей действительности. Во-вторых, междометные глагольные формы располагаются на границе категории глагола (по верному замечанию В.В. Виноградова) и выражают мгновенность действия (*...прыг на корму, цап за инур и...*(В. Астафьев). В-третьих, различные формы вежливости, слова, выражающие приветствие, прощание, благодарность и т. п., являются объектом другой области лингвистических исследований, и мы не станем рассматривать эти формы в составе междометной лексики.

В современном русском языке принято делить междометия по значению на эмоциональные и императивные. Эмоциональные междометия выражают различные чувства и характеризуются по сознательной или бессознательной реакции на лингвистические и экстралингвистические факторы. *У-ух! – оступился братец, ахнул, ожгло его водой, и поскорее на берег...* (В. Астафьев). Побудительные междометия классифицируются на основании вида речевого акта. Иллокутивный аспект подобных речевых действий основывается, по нашему мнению, на пресуппозиции права на требование и возможности выполнения его адресатом. *Из несмышленишей, из малышни кто заведет разговор о теленочке – старшие ребята вытаращатся на него: «Ша! Сглазишь!»...* (В. Астафьев). Деление междометий на группы по значению также оказывается условным.

Как верно отметил А.И. Германович, междометия по семантической характеристике можно разделить на две группы. В первой группе значение единиц с трудом поддается семантической классификации (*а, о, ай, уй, ах, эх* и т.п.). Во второй значение междометий связано с особенностями этимологии и употребления (имеются в виду стилистические и синтаксические особенности) [8; 9].

Ко второй группе относятся единицы, появившиеся в результате интеръективации. Интеръективация – это переход слов из разных частей речи в междометия. В процессе интеръективации участвуют имена существительные, глаголы, наречия, местоимения. Переход знаменательных слов в междометия сопровождается, по мнению А.И. Германовича, Е.Н. Сидоренко, потерей номинативности, категориального значения, форм изменения, синтаксической нагрузки и приобретением способности выражать разные чувства [9; 20]. Напр.: *Оправился, поднял мешок и только взялся рукою за скобу двери – услышал истошный крик: «Ка-ра-у-у-ул!... Уби-и-или!.. Ка-ра-у-ул, люди добрые!» ...Посреди двора, раскорячившись, стоял Захар Денисович и...орал: «Ка-ра-у-у-ул!».* (В. Шукшин) – существительное.

Мы принимаем точку зрения, согласно которой семантическая структура междометия состоит из категориального и лексического значений, как и любая часть речи русского языка. Категориальное значение междометий, по П.В. Чеснокову [25], включает сему выражения эмоционального состояния или выражения волевого импульса; сему структурной самостоятельности и смысловую сему, то есть отнесенности содержания междометия к элементу действительности. В свою очередь, в смысловой семе выделяются сема изолированности содержания и сема обратной направленности смыслового отношения. Лексическое значение выражает конкретные эмоциональные или эмоционально-волевые состояния. Поэтому в процессе интеръективации возникает категориальное значение, свойственное междометиям.

Сравним семантику прономинатива, отместоименной частицы и междометия прономинального происхождения: – *Что случилось?.. Что?.. – Все. Я их поджег.* (А. Вампилов) – местоимение; *Всю жизнь ты ожидал от меня глупости. Всегда. Глупости и больше ничего... Что – неправда? – частица* (А. Вампилов); *В гробу бы я видел, такую любовь. – Что?.. Вон ты как заговорил...* – междометие (А. Вампилов). В первом примере с местоимением к требованию информации добавляется коннотативное значение, отражающее переживания говорящего: недоумение в сочетании с возмущением. Вопросительное местоимение является средством выражения двумодальности. Об этом свидетельствуют особенности употребления местоимения. Во-первых, перед нами эллиптическая структура с нарушенными связями слов. Во-вторых, выпадение глагола не случайно. Местоимение *что* сосредоточивает на себе все виды эмоционально-познавательной деятельности: требование информации о происшедшем; оценку прогнозируемых событий с ориентацией на стереотипы поведения; эмотивный «всплеск», связанный с пресуппозицией ожидания. Мы наблюдаем модифицированную семантику вопросительного слова.

Во втором примере информативно значимым является слово *неправда*. Оно верифицирует с помощью интонации требование согласиться с выводами говорящего. Но так как значение слова заключается в нейтральном отрицании истинности (см. [2, с. 609-610]), то оценочную информацию представляет частица *что*. Именно на чисто оценочную семантику трансформанта накладываются экспрессивные элементы, что и создает в целом эффект, в скрытой форме «возбуждающий» реципиента.

Третий пример с *что* представляет противоположный по иллюкутивной задаче контекст (в сопоставлении с первым). Говорящий с помощью трансформанта не запрашивает информацию, а отвергает ее. Происходит характерная для категориальной семантики междометия обратная направленность смыслового потока – от говорящего в мир действительности. Неприятие негативной информации сопровождается выражением недовольства, разочарования, обиды. Лексическим значением данного трансформанта является выражение эмоционального состояния осуждения-неодобрения.

Таким образом, только коннотативная семантика является на современном этапе общим, материально сохранившимся элементом значения для местоимения и междометия. Пронимативы могут иметь ее в связи с проявлением субъективно-эмоционального момента в структуре вопроса. Для частиц оценочный модус обязателен. Семантика оценки может регламентировать дальнейшие отношения и события. Оценка предполагает эмотивно-оценочный «подтекст». Поэтому частица ближе по общности семантических признаков к междометию. Мы считаем, что наблюдается семантическая преемственность цепочечного типа местоимение – частица – междометие.

В современном русском языке предпринимались попытки описать семантику междометий *что*, как [1], но, как мы считаем, они не всегда были успешными.

Междометие *что* – независимая синтаксическая структура, которая может входить в ряд языковых выражений субъекта речи, а может представлять собой одиночную структуру, которая конкретизируется невербальными средствами: Ср: *В таких случаях старый и желчный кассир захлопывал фанерное окошечко кассы и кричал изнутри: – Что! У вас руки отсохнут, если вы порежете деньги? Не хотите сами, так дайте вашим деткам.* (К. Паустовский); – *Ты гляди, брат, за такие выражения сразу в милицию!* – *Что-о-о? Фрол шагнул из-за стола...* (В. Шукшин).

Особенности функционирования трансформанта «согласуются» с семантикой лексемы. В подавляющем большинстве случаев с помощью *что* представлено состояние удивления, переходящее в состояние неприятия информации. Напр.: – *Папа, он на тебя походит.* – *Что? Вздор! Вздор! Тебе просто показалось.* (А. Вампилов) – с негативной коннотацией; – *Я абсолютно трезвый, прошу заметить.* – *(произносят разом) Что?!* (А. Вампилов) – неосложненное дополнительными эмоциями удивление. Как видим, дополнительные эмоционально-экспрессивные значения проявляются с помощью вербализованного и невербализованного окружения: *Вздор!* (отрицание). Ориентированность функционального омонима на выражение удивления отражает в скрытом виде состояние ожидания говорящего в речевом акте вопроса, которое можно представить как кратковременное состояние неопределенности, состояние «паузы» перед обязательной «реакцией» на последующий ответ. Именно в этом случае коммуникативный акт вопроса считается совершенным.

Лексическое значение *что* связано не только с эмоциональной реакцией на смысловой раздражитель, но и с волеизъявлением человека.

Междометие *что* выражает угрозу. Этап неожиданности, обязательный для проявления любого состояния, не фиксируется междометием с таким лексическим значением. Напр.: – *Подождите... Что-то мне расхотелось пить.* – *(драматическим тоном) Все ясно. Это был минутный каприз, я так и знал.* – *Что-о?* – *А может...сбежать все же?* (А. Вампилов) – выражение угрозы приводит к определенному результату, зафиксированному в следующем вопросе: *А может...сбежать все же?*

Трансформант может выражать состояние испуга: – *Вставай, не разговаривай. Пошевеливайся!...* *(Сильва поднимается) Ты дрыхнул, а мы всю ночь играли друг у друга на нервах.* – *Что?!.. Они нас уже поняли?... Нет?? (быстро одевается) Все равно. ...Помчались!* (А. Вампилов). Несмотря на последующий вопрос, междометие *что* показывает первую вербальную реакцию на представленную информацию. Затем происходит логическое осмысление и реализация знания.

Можно предположить, что негативный компонент значения междометия «восходит» к семантике оценки нарушения общепринятой модели «вопрос-ответ». Модель вопросно-ответного единства связана с универсальными человеческими ценностями. В микропространстве диалога их представляет Принцип Кооперации (Г.П. Грайс [10]): общность цели диалога, стремление к движению всех шагов диалога в одном направлении. И любые препятствия в этом направлении вызывают возмущение, сопротивление.

Обособление и фиксация трансформантов *что*, выражающих только чувства или волеизъявление, – следующий этап формирования трансформационного потенциала вопросительного местоимения. Как пишет В.Н. Телия, одобрение/неодобрение – это наиболее диффузные, а потому обобщающие состояния [22, с. 127]. В случае типизации контекста вычлениются и закрепляются в языке новые единицы с общим лексическим значением. В нашем случае это императивное и эмоциональные междометия.

В разговорной речи и, следовательно, в художественной литературе встречаются просторечные варианты междометия *что* – *чего* (= *чѐ*). Ср.: *А они? Где были они? Чего делали?* (В. Астафьев), – *Носишься по реке, голову сломить не можешь...- Чѐ? Чѐ ты?- Беда у нас. Тайку задавило...* (В. Астафьев) – местоимение; *Чѐ, без горючего-то зажиганье не срабатывало?!* (В. Астафьев) – частица; *Н-не выйдем!* – *Чѐ-о! Кто это сказал?! – Стой, ребята, стой! Человек же угощает от всего сердца...* (В. Астафьев) – междометие. Мы не считаем просторечный вариант *чего* функциональным омонимом омокомплекса «вопросительное местоимение – частица – междометие». Проведенный анализ показал, что словоформа *чего* – разговорный аналог лексемы *что*.

Междометная природа лексической единицы *как* достаточно прозрачна и ассоциируется у носителей языка с общими лексическими значениями частицы и исходного слова (вопросительность, усиление). Граница между двумя трансформантами проведена пропозициональной установкой говорящего – желанием

реализовать оценочные состояния согласия-несогласия, одобрения-неодобрения, осуждения, угрозы, восторга и т. п. или выразить эти эмоциональные состояния. В примерах: *Роковую роль в этом играл Борисов. «Как, ты до сих пор не познакомился с Краснопевцевым?» – коварно изумлялся он.* (Д. Гранин) и *То-то рад, думает наш продавец, а уж я-то как рад тебя видеть, если бы ты только знал* (А. Вампилов) субъект речи с помощью частицы-ремагизатора *как* привлекает внимание к имплицитной оценке происходящего. В первом примере – к тому, что автор вопроса навязывает слушающим знакомство с определенным человеком, о чем свидетельствует другая коннотативная характеристика (*коварно*). Средством «провокации» является частица *как*, с ее помощью показывается важность названной личности. Во втором высказывании демонстрация «предельной» радости субъекта мысли с помощью усилительной частицы свидетельствует о его противоположных чувствах.

Ср.: *Уже готов, не правда ли? – Еще нет. – Как?!. Но ведь прошло уже полтора часа!* (А. Вампилов) – говорящий удивлен и возмущен ответным сообщением. Последующая реплика мотивирует данное выражение чувств. Значение междометия расщепляется на лексическое значение удивления-неодобрения и категориальное значение выражения эмоции.

Как видим, отличается междометный трансформант от частицы первоначальной отнесенностью к миру чувств говорящего, а не к миру разума. В.Г. Гак пишет об огромной роли эмоций в познавательной деятельности человека, отражающей деятельность его сознания. Эмоции и чувства поддаются осознанию, определению и классификации [7, с. 314-315].

– *Сынок! – Папа! (...бросаются друг к другу...)* – *Как?.. Кровь, она себя чувствует.* (А. Вампилов) – функциональный омоним выражает чувства восторга, радости. Как и во всех контекстах с междометиями, выражение чувства подтверждается последующей вербализованной или невербализованной информацией (*Кровь, она себя чувствует*); междометие создает изолированную синтаксическую структуру. Ср.: – *Я больше жить у вас не буду. Заплатите за два месяца. – Ка-а-ак?.. – Захар Денисович подпрыгнул на поларшина и испуганно затрясся. – Уходить задумал? Смили?..* (В. Шукшин) – говорящий не выбирает регистр модальности, перед нами спонтанное выражение чувств, компенсирующее впечатление от нежелательной информации. Как и в контекстах с междометием *что*, происходит вначале отторжение знания о происшедшем событии, а затем оценка этого знания.

Мы наблюдаем типичность ситуаций для трансформантов местоименного происхождения. Лексическое значение рассматриваемых единиц в таком окружении чаще всего представляет состояние удивления с выражением чувства негодования, возмущения, несогласия.

Выводы. Итак, в процессе интеръективации – перехода в междометия – участвуют имена существительные, глаголы, наречия, местоимения. В группу междометий, образованных путем перехода из вопросительных местоимений, входят *что, как*, наряду с трансформантами местоимений других разрядов *то, так*. Упоминаемые в лингвистической литературе междометия *куда, где* являются компонентом составных единиц и поэтому в группу трансформантов вопросительных местоимений не включены.

В структуре междометных трансформантов вычленяется сема обратной направленности смыслового потока – «неприятия» пропозиции предшествующей коммуникативной структуры или события объективного мира. Мы обнаруживаем ассоциативную связь между компонентами семантической структуры функциональных омонимов – местоимения и междометия, а именно между семой разрядового значения «требование информации», участвующей в формировании установочного компонента вопросительного высказывания, и семой категориального значения междометия, «отторгающей» знания о фрагменте действительности. На уровне категориального значения сохраняется преэссенция между семами категориальных значений исходного слова и междометия. Они представляют местоимение как носителя систематизированных и обобщенных ментальных и физических знаний, а междометие как единицу, предвосхищающую реальные события в результате накопленного эмоционального опыта.

Анализ единиц омокомплекса «местоимение – частица – междометие» показал, что исходное слово и междометие объединяет коннотативная семантика.

Трансформант *что* выступает в структуре высказывания в виде независимой синтаксической единицы, выражает в подавляющем большинстве случаев эмоции и волевые импульсы неодобрения, связанные с удивлением, угрозой, несогласием. *Как* выражает удивление с эмоциями, сопровождающими в большинстве случаев психическое состояние огорчения от нежелательной информации. По нашему мнению, коннотация неодобрения в структуре междометий объясняется изменениями в структуре исходного прономинатива в связи с нарушением вопросно-ответного единства и появляющимся чувством дискомфорта от прерванного процесса общения.

Междометие *чего* мы считаем разговорной формой трансформанта *что*.

Литература:

1. Ардентов Б. П. «Что» в современном русском языке. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 90 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Баева Г.А. О валентности междометий в немецком языке // Системное описание лексики германских языков: Сб. статей. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – Вып.5. – С. 104-108.
4. Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 624 с.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр / Отв. ред. Г.А.Золотова. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

7. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
8. Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Симферополь, 1961. – 59 с.
9. Германович А.И. Междометия русского языка. – Киев: Рад. школа, 1966. – 172 с.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
11. Грамматика русского языка: В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1-2.
12. Добрушина Н.Р. Словарное представление междометий // Русистика сегодня. – 1995. – №2. – С. 47-66.
13. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи. – Свердловск, 1977. – 78 с.
14. Камынина А.А. Современный русский язык: Морфология. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
15. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1998. – 272 с.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
17. Потебня А.А. Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
18. Русская грамматика: В 2-х т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т.1. – 783 с.; Т.2. Синтаксис. – 709 с.
19. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
20. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. – Симферополь: Таврия, 1993. – 94 с.
21. Современный русский язык: В 3 ч. Учеб. пособие для студ. – Ч.2. Словообразование. Морфология. / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
22. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
23. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды / Под ред. М.Н. Петерсона. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т.1. – 450 с.
24. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
25. Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 1992. – 168 с.
26. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Т.1. – Л.: Уч. пед.гиз., 1925. – 420 с.